

Евгений Гончаров
New «Мёртвые души»

И ДРУГИЕ ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ



Евгений Гончаров

New «Мёртвые души».
И другие повести и рассказы

«Издательские решения»

Гончаров Е.

New «Мёртвые души». И другие повести и рассказы /
Е. Гончаров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906498-1

В своих произведениях во главу угла я ставлю самоиронию. Немного
перефразируя любимого классика русской литературы, говорю: «Над кем
смеёмся? Над собой смеемся!»

ISBN 978-5-44-906498-1

© Гончаров Е.
© Издательские решения

Содержание

New «Мёртвые души»	6
Время не колбаса	6
Про битлов и Гоголя	8
Миг между прошлым и будущим	9
Смерти нет, ребята!	10
Человек-гастроном	13
Звонок от Чичикова	15
Про лохотроны	16
Made in Blagozvonsk	18
Аномальные места	20
Про нечистую силу	22
Без роду и племени	23
Последний герой	24
Птица тройка	26
Парусник Маака	28
Тетрадь в коленкоровом переплёте	28
Краткое вступление	30
«Амурский ротан»	31
Недолгие проводы	36
К берегам Невы	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

New «Мёртвые души» И другие повести и рассказы

Евгений Гончаров

© Евгений Гончаров, 2018

ISBN 978-5-4490-6498-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

New «Мёртвые души»

Повесть о времени и людях

Время не колбаса

Наш главный герой, Михаил Воробьёв, жил в старинном российском городке с именем Благозвонск. Почему, спросите, жил? А потому что помер он в конце этой повести. Несмотря на столь печальный исход и множество других грустных моментов по ходу повествования, обещаю вам как автор, что эту повесть вы прочтёте легко, хотя в процессе чтения не раз и не два задумаетесь о смысле жизни и бренности бытия.

Друг читатель, не суди меня строго за использование в названии моего опуса названия другого, хорошо известного тебе произведения. Так уж расположились на небе звёзды, что и Гоголь, и его поэма оказали решающее влияние на Мишину судьбу. Сам Воробьёв недолюбливал Николая Васильевича и его бессмертное творение, и были у него на то весьма веские причины. Впрочем, не буду забежать вперёд. Хотя в моей повести, отмечу это особо, понятия прошлого и будущего размыты.

Время бесконечно и непрерывно. Где его начало и конец? Нет их! И смешны потуги историков делить время на какие-то удобные для них самих отрезки – как я режу палку копчёной колбасы, когда она, по великим праздникам, появляется в моём холодильнике. Да что это я жалуюсь на свою жизнь? Писатель, особенно русский, должен быть голодным: это заставляет его с большей скоростью стучать по «клаве» в надежде на получение гонорара. Вот, скажем, грузчику или спортсмену никак нельзя без плотного обеда, с обязательной мясной котлетой и сладким компотом. Писака же хватит и доширака. Как справедливо говорят у нас в народе: «Писать – не мешки таскать». Но оторвёмся от колбасы, которая всегда так быстро заканчивается, и вернёмся к бесконечному времени, которое человечество тысячи лет пытается порезать на эпохи, эры и исторические периоды.

Летоисчисления у разных народов велись по-разному и были привязаны к каким-либо мифическим или реальным событиям.

Свои календари были у древних шумеров, египтян и арабов. У китайцев каждая эпоха начиналась и заканчивалась с началом и концом правления очередного императора, и таковых эпох набралось целых 350, что достойно занесения в Книгу рекордов Гиннесса!

В Древней Греции счёт времени вёлся по олимпиадам, в Римской империи – от основания Рима. Иудеи ведут отсчёт лет от Сотворения мира – по своей, конечно, версии, христиане – от рождения Иисуса Христа, мусульмане – от дня переезда пророка Мухаммада в Медину. Я уж не стану, для экономии своего и вашего времени, перечислять календари всех народов мира, которых, как написано в «Википедии», было более тысячи.

А сколько часов человечеством изобретено! И солнечные, и водяные, и песочные, и настенные, и карманные...

И всё-таки, уважаемые читатели, посмотрев на циферблат часов, не обольщайтесь, что вы понимаете ход времени – это лишь вращение на оси часовой, минутной и секундной стрелок, и не более того. В детстве, отрочестве, зрелости и старости время течет с разной скоростью. Бывает, что минуты тянутся часами, а годы мелькают как дни. Иногда время останавливается, а порой идет вспять.

Вот наш Герой Миша Воробьёв считал, что «Мёртвые души» – это полный отстой и позапрошлый век. Но, помилуйте, господа! – Собакевич сейчас в парламенте, Манилов – в правительстве, Коробочка – в благотворительном фонде... Идешь по улице – и вдруг мимо проедет,

восседа в шестисотом «Мерседесе», Чичиков. А в толпе прохожих мелькнёт до боли знакомый длинноносый профиль... С вами не случилось такого наваждения?

Про битлов и Гоголя

Мишина неприязнь к произведениям Николая Васильевича Гоголя была вызвана, как это ни странно, школьными уроками литературы. Человека нельзя перекармливать чем-либо, будь то манная каша или повесть «Тарас Бульба». До конца своей жизни Воробьёв так и не взял в толк, на кой ляд его в школе заставляли учить наизусть отрывки из произведений Гоголя? Так и остались с той поры в его памяти лишь какие-то сумбурные фразы: «Чуден Днепр при тихой погоде», «Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал?», «Редкая птица долетит до середины Днепра», «Русь, куда ж несёшься ты? дай ответ».

А ещё у Миши с Гоголем был связан один весьма неприятный эпизод. Впрочем, Николай Васильевич тут был совсем не при делах, но неприятный осадок у Воробьёва, как в том анекдоте про серебряную ложечку, всё же остался. Надо ж было ему заспорить с учительницей русского языка и литературы по поводу моды на длинные, как у битлов, причёски:

- Нелли Петровна, почему советскому школьнику нельзя иметь длинную причёску?
- Длинные волосы – это неопрятно.
- Я обещаю мыть голову каждый вечер, а по утрам делать укладку феном.
- Длинные волосы носят хиппи, которые курят марихуану и исповедуют свободную любовь.

- Нелли Петровна, а Гоголь был неопрятным?
- Почему ты так решил?
- У него же длинные волосы.
- Не сравнивай себя с классиком русской литературы.
- Откуда вы знаете, быть может, я тоже будущий классик?
- Ты сначала выучи наизусть отрывок из «Мёртвых душ».
- Нелли Петровна, а Карл Маркс?
- Что Карл Маркс?
- У него причёска, как у хиппи.
- Ну, знаешь, Воробьёв... – учительница задыхнулась от гнева. – Всему есть предел!

Потом был педсовет, обсуждавший проступок девятиклассника Михаила Воробьёва, который замахнулся на самое святое для советского человека. На память об авторе «Капитала». Произведения, легшего в основу марксистско-ленинского учения – путеводной звезды угнетённых классов и всего прогрессивного человечества. Отступника предупредили, что в случае повторения подобного его выгонят из школы с «волчьим билетом». К всеобщему удивлению, нарушителя дисциплины попросил строго не наказывать лишь директор школы Даниил Никитович. Никто не знал, что его самого в предвоенном 1940-м едва не отчислили из школы. За вопрос на уроке истории о роли красного полководца Льва Троцкого в годы гражданской войны.

А насчёт отрывков из Гоголя я вполне согласен с Мишей Воробьёвым – зачем их запоминать, как молитву?

Миг между прошлым и будущим

Я опускаю из своего повествования продолжительный период жизни Михаила Воробьёва. Вы не узнаете: про его обучение на факультете журналистики; про работу в районной газете «Красный пахарь» и в областной – «Амурский коммунар»; про службу пресс-секретарём в партии «Общая Россия»; про три неудавшиеся попытки семейной жизни. Я сразу перехожу к последнему отрезку его биографии – кладбищенскому.

Мы с вами словно бы сели в машину времени, расставшись с семнадцатилетним Мишей Воробьёвым, и тут же вышли из неё, встретившись с героем уже в возрасте пятидесяти лет. Ведь не зря сказано в песне: «Есть только миг между прошлым и будущим, именно он называется жизнь». По последним данным науки, возраст Вселенной составляет $13,830 \pm 0,075$ миллиарда лет; Солнечная система сформировалась свыше 4,5 миллиардов лет назад; жизни на Земле 4 миллиарда лет; приматы появились около 95 миллионов лет назад. А сколько человеческих поколений вмещают те самые, взятые за погрешность, «плюс-минус 0,075 миллиарда лет», вы уж сами, если не лень, посчитайте.

Решил Николай Васильевич длиннотами, грешил. Автор «Мёртвых душ» описал бы наружность персонажа, начиная от его шапки и заканчивая башмаками. Непременно уделит бы внимание чертам лица и цвету глаз, конституции тела – и прочее, и прочее. На всё это у него ушло бы как минимум полстраницы текста. Но Гоголь – писатель эпохи гусиного пера и чернильницы. У кого же в наш айфоновый век достанет терпения на чтение таких ничего не значащих подробностей.

И я, как литератор современный, нарисую портрет взрослого Воробьёва всего лишь тремя лёгкими штрихами. Он был похож на постаревшего и располневшего Леонардо Ди Каприо, с недельной щетиной на щеках, и предпочитал в одежде джинсовый стиль. И всё.

Работу техника по инвентаризации кладбища Воробьёву предложили на бирже труда Благозвонска. Интернациональный коллектив муниципального предприятия «Ритуальный сервис» принял в свои ряды новичка поначалу несколько настороженно. Но уже через неделю Миша пил водку с русскими парнями из похоронной команды и сосал насвай с узбеками из бригады копщиков могил, получив полное расположение к себе тех и других.

Михаилу предстояло провести описание захоронений на старом и новом участках благозвонского погоста, за полтора века давшего последний приют сотням тысяч покойников. Воробьёву выдали офицерскую сумку-планшет, рулетку, шариковую ручку с десятком стержней, довели месячный план – 5000 могил – и, пожелав творческих успехов, отправили в город мёртвых. По утрам он сдавал главному инженеру заполненные бланки инвентаризации, брал пачку чистых листов и на весь день уходил к своим клиентам – невидимым, неслышным и неприятным к качеству обслуживания.

Как-то Миша поделился со своим начальником сомнением:

– Там столько много усопшего народа, что мне переписать всех времени не хватит.

На что тот философски ответил:

– Ты не успеешь – другие завершат тобой начатое.

Смерти нет, ребята!

На бесхозной могиле была лишь деревянная тумбочка и номерок от 2000-го года.

Александр Груздев верил в пришествие коммунизма. Символично, что Саша родился 31 октября 1961 года – в день принятия XXII съездом КПСС новой программы, которая заканчивалась словами: «Партия торжественно провозглашает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». При этом указывался и год наступления коммунизма – 1980-й.

Смелые фантазии Герберта Уэллса, Жюль Верна и Айзека Азимова о будущем человечества меркли перед этим творением идеологического отдела ЦК КПСС – величайшего фантаста всех времен и народов.

Главным учебным пособием и украшением кабинета обществоведения, в котором Саша Груздев познавал основы исторического материализма в средней школе, было художественно исполненное панно, занимавшее всю боковую стену напротив окон. Когда-нибудь эта повесть будет экранизирована, а пока у меня нет даже художника-иллюстратора. Попробую описать это замечательное панно словами.

Картина была написана масляными красками на полотне, натянутом на подрамник размерами восемь на два метра. Последовательно были изображены первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и коммунистическая общественно-экономические формации, как их видел автор замысла этого шедеврального учебного пособия.

Художник в мельчайших подробностях живописал: первобытного человека с каменным топором и рядом мамонта; раба в каменоломне и надсмотрщика с кнутом; крестьянина с сохой и всадника в рыцарских доспехах; рабочего с молотом у наковальни и капиталиста в цилиндре и с сигарой в зубах. На капитализме мы прервёмся, поскольку живописание коммунизма потребует отдельного абзаца.

Коммунистическая формация была разбита на три этапа. Солдаты и матросы, с винтовками штурмующие Зимний дворец, символизировали начало эры социализма. Рабочий в комбинезоне, с шестерёнкой в руках, колхозница в халате, со снопом пшеницы, и интеллигент в очках, с раскрытой книгой, обозначали период строительства материальной базы коммунизма. И, наконец, какие-то бесполое существа, в космических скафандрах и с реактивными соплами вместо жоп, обозначали начало собственно коммунистической эры.

Поверху панно шла хронология общественно-экономических формаций. Крупно и красным цветом были выделены даты Великой Октябрьской социалистической революции – 7 ноября (25 октября) 1917 года и начала коммунизма – 1980 год. Понизу была обозначена продолжительность жизни человека при каждом строе. Первобытный человек доживал до 20 лет, далее шло по нарастающей... Советский человек жил уже 75 лет. А теперь крепко держитесь за сиденье стула, чтобы не свалиться: с 2000 года люди становились бессмертными!

Картина «Последний день Помпеи» кисти Карла Брюллова, которую Саша видел на цветной репродукции, не произвела на него и сотой доли того впечатления, какое произвело панно в школьном кабинете обществоведения. Даты 1980 и 2000 глубоко запали ему в душу.

На первом же своем уроке преподаватель обществоведения Маргарита Петровна, или просто Марго, разъяснила ученикам различие между двумя способами распределения: «От каждого по способностям, каждому по труду» и «От каждого по способностям, каждому по потребностям». Первый способ, сказала она, применяется при социализме, являющемся начальной стадией коммунизма. Второй способ будет использован при построенном коммунизме. И пояснила, что «каждому по труду» означает выдачу заработной платы деньгами, на которые трудящиеся покупают всё им необходимое, а «каждому по потребностям» – бес-

платное распределение материальных благ. При социализме деньги ещё есть, а при коммунизме они будут отменены.

Последнее сообщение потрясло неокрепшие детские умы.

– А как же без денег покупать в магазине?!

– В магазинах всё будет бесплатно, – разъяснила Марго.

– Можно будет зайти и взять бесплатно аж десять пирожных?!

– Можно! Но человеку столько не надо – достаточно одного-двух. Люди будут сознательными и станут брать продукты по потребности. Зачем человеку пять пар обуви сразу? Достаточно одной летней и одной зимней. Перегорел телевизор – пошёл, взял новый.

– А если на всех не хватит?

– Хватит всем! – отрезала Марго. – Благодаря внедрению научных достижений производительность труда возрастёт многократно. Рабочий день сократится до минимума, у людей появится больше времени для духовного совершенствования и культурного отдыха.

Потом классная дискуссия перешла в область продолжительности жизни.

– Маргарита Петровна, а как это – бессмертие? Люди, что ли, перестанут умирать?

– Некоторые долгожители уже сейчас преодолели вековой рубеж, скоро этого возраста будет достигать каждый человек. Потом наука найдёт способы продлить жизнь до двухсот лет, и так далее – до полного бессмертия.

– А если сердце остановится?

– Сердце – это обыкновенный насос для перекачки крови в организме. Искусственное сердце, которое сейчас применяется при операциях, ещё очень велико по габаритам – с холодильник. Но скоро механическое сердце на батарейке будет размером с яблоко, и его вживят в организм вместо больного. То же и лёгкие – это ведь воздушные меха, как в кузне. И печень с почками – всего лишь фильтры для сбора отходов в организме. Эти и другие органы можно будет заменять на искусственные...

Мне сейчас сложно рассуждать, верила ли в свои слова сама Марго. Наверняка ведь ей, женщине ещё молодой и привлекательной, хотелось носить не туфли-лодочки фабрики «Скороход» и унылый костюм с юбкой, сшитый по выкройке десятилетней давности, а что-то похожее на то, в чём ходят женщины из стран загнивающего капитализма, которых иногда показывали в кинохронике. Ей хотелось выглядеть стильно и нарядно, как те американки, что стояли вдоль дороги при встрече первого космонавта Юрия Гагарина. Она хотела пользоваться духами «Шанель», а не приготавливать на кухне лосьон из огурца и водки, по рецепту из журнала «Наука и жизнь». Маргарита Петровна, наконец, хотела носить на пляже сексуальный купальник бикини, купаясь в похотливых взглядах мужчин. Но ей приходилось штопать чулки, пользоваться прокладками из ваты, по вечерам смотреть скучное чёрно-белое телевидение и мечтать о профсоюзной путёвке в Монголию. А всё рассказывать детям сказки о светлом коммунистическом будущем.

Верила – не верила Марго в эти байки, но вбила в Сашину голову убеждение, что через десять лет в магазинах всё будет бесплатно и что ещё через два десятилетия он обретёт бессмертие.

Наступил 1980 год. Александру Груздеву было восемнадцать лет, он учился на первом курсе историко-географического факультета Благовзвонского педагогического института. Саша был комсоргом группы, поэтому посещал лекции в доме политического просвещения.

После того, как лектор из обкома КПСС полтора часа распинался об общем кризисе мировой капиталистической системы и скором её крахе, а потом попросил аудиторию задавать вопросы, Саша спросил:

– Товарищ лектор, а как можно объяснить присутствие в партийной программе пункта, гласящего о создании материально-технической базы коммунизма до 1980 года?

В зале повисла гробовая тишина. Первым подал голос лектор:

– Я отвечу на ваш вопрос... Перерастание социализма в коммунизм определяется объективными законами развития общества, не считаться с которыми нельзя. И построение материально-технической базы коммунизма – одно из главных условий полного перехода от социализма к коммунизму. Гонка вооружений, навязанная странам Варшавского договора странами НАТО, не позволяет социалистическому лагерю направить все людские, производственные и сырьевые ресурсы на создание уровня благосостояния советского и братских народов, необходимого для вступления в фазу коммунизма... Я ответил на ваш вопрос?

– Тогда, наверно, необходимо внести изменения в действующую программу партии? – продолжил Груздев прессовать лектора.

На что тот сделал брови домиком и сказал:

– Такие вопросы задавались и на курсах при идеологическом отделе партии в Москве, где я недавно проходил переподготовку. И там было компетентно заявлено, что готовится новая редакция программы, которая будет принята на очередном съезде партии. – И улыбнулся: – Ну, теперь-то я, надеюсь, ответил на ваш вопрос?

– Чёрт тебя дернул, Сашка, со своими вопросами, – сказал потом Груздеву комсорг института. – Забреют тебя в армию.

Но он не угадал. На Груздева, по рекомендации обкома партии, конечно, обратили внимание в обкоме комсомола, и Александр попал в кадровый резерв, из которого была одна прямая дорога – в комсомольско-партийные работники.

Как и предрекал осведомлённый лектор, на XXVII съезде КПСС из программы изъяли устаревшую дату начала коммунизма и заявили о постепенном переходе от социализма к коммунизму, а также о необходимости ускорения социально-экономического развития. Это уже была весна 1986 года – начало перестройки.

И инструктор отдела промышленности, строительства, транспорта и связи Благовонского горкома КПСС Александр Груздев понёс в народные массы новые сумасбродные идеи кремлёвских мудрецов. Но массы не внимали, а пили водку, и тогда, для их же пользы, была начата антиалкогольная компания и введены талоны на спиртное.

Потом грянули непрерывной чередой многопартийность, августовский путч 1991-го, развал союзного государства, шоковая терапия для кошельков, приватизация, рыночная экономика. Как человек неглупый, Груздев понял, что в России победил капитализм, причём в самой его дикой форме, давно уже пройденной западными странами.

Вчерашние пламенные коммунисты побросали свои партийные билеты и занялись делёжкой социалистической экономики, взрывая конкурентов и обкрадывая трудовые коллективы.

Александр не поступился принципами и оказался на обочине новой жизни. Какое-то время он был учителем в школе, потом сторожем, потом получал пособие по безработице, собирал металлолом.

1 января 2000 года Александра Груздева нашли в его замызганной комнатёнке повесившимся. На колченогом столе, застеленном газетой, среди хлебных крошек, селёдочных костей и шкурок от сала, стояла пустая бутылка из-под водки и лежала короткая предсмертная записка: «Смерти нет, ребята!»

Человек-гастроном

Под этим памятником из чёрного гранита лежал Степан Кукушкин. Или просто Стёпа-гастроном.

Что такое дефицит, Стёпа узнал с раннего детства. Бывая в домах своих уличных друзей, он обращал внимание на то, что у каждой семьи имелось что-то такое, чего не было у других. Став постарше, он понял причину сего явления.

Если в доме каждый день мясо в щах, гуляш и котлеты на второе, а на компоте жирная плёнка, то кто-то из родителей работает на бойне. Если конфеты, мармелад и вафли – на кондитерской фабрике. Сливки, сметана и масло – на молкомбинате. Яблоки, виноград и бананы – на плодободе. В Стёпином доме ничего этого не было, зато сараюшка во дворе была забита электролампочками, розетками и выключателями – отец работал электриком.

Между соседями, как при царе Горохе, происходил натуральный обмен: бисквитный торт оплачивался свиной печенью, дыня – творогом, любой продукт – кругом изоленды или мотком провода.

Когда остальные школьники мечтали стать лётчиками, врачами и геологами, Стёпа знал, что будет торговым работником. Закончив институт советской торговли, он прошёл карьерную лестницу: продавец – заготовделом – директор гастронома.

В 70 – 80-е годы прошлого века купить что-то дефицитное по знакомству называлось «достать по блату». Сидящие на дефицитах сбивались в блатные сообщества. Шёл взаимообмен мебелью, одеждой, обувью, книгами, грампластинками, радиотоварами. Нового человека в блатной компании так и представляли: «Знакомьтесь, Пал Палыч – стройматериалы». Затем Пал Палычу представляли остальных: Соломон Израилевич – ювелирный, Зинаида Абросимовна – авиабилеты, Иван Кузьмич – турпутёвки, Анна Ивановна – комиссионный, Степан Панкратович – индпошив.

Кукушкина в блатном сообществе, за глаза и в глаза, звали «гастрономом». Колбасы и копчёности, икра чёрная и красная, сыры твёрдые и мягкие, вина сухие, полусухие и креплёные, водки, коньяки и пиво, конфеты, бисквиты и торты, тушёнка, сгущёнка и гречка – вот на чём сидел Степан.

Как-то Кукушкин на рыбалке с друзьями, потроша карася для ухи, порезал острым ножом указательный палец левой руки. Йода или зелёнки с собой не оказалось, и он залил ранку «посольской» водкой. По возвращении домой палец покраснел, опух и мучительно заныл. Выдержав три дня, поочерёдно вымачивая палец в растворе соды, марганцовки и мочы, но не получив облегчения, Степан пошёл в поликлинику. Само собой, по блату – без очереди и записи в регистратуре. Участковый терапевт, приняв в благодарность палку сервелата, принесённого пациентом в портфеле, осмотрел палец Кукушкина, уже ставший похожим на сардельку, и дал направление к хирургу. Тот диагностировал запущенный абсcess и сказал, что внутреннее нагноение надо срочно вскрыть разрезом.

Степан панически боялся уколов, он падал в обморок, когда у него брали для анализа кровь из пальца. Отдав хирургу вторую палку сервелата, Кукушкин спросил, будет ли при операции применён общий наркоз. Эскулап усмехнулся и объяснил, что для такой операции будет достаточно и местного обезболивания. Представив, как его больной палец обкалывают новокаином, а потом разрезают, и всё это при полном его сознании, пациент впал в животный ужас.

В ход пошли обещания завалить хирурга корейкой, грудинкой, ветчиной, балыком, бужениной и карбонатом – лишь бы был применён общий наркоз. Хирург, конечно же, понимал, что идёт на профессиональное нарушение, граничащее с преступлением. Это был хороший хирург, но, изголодавшись по мясным копчёностям, в тот момент он забыл все принесённые

клятвы – и советского врача, и Гиппократ. И согласился-таки на общий наркоз при операции на пальце.

Директора гастронома поместили в предоперационное отделение и стали готовить к общему наркозу. Через два дня его, накачанного успокоительными препаратами, полусонного переложили с кровати на тележку и повезли в операционный блок. В коридоре на полу в керамической плитке была выбоина, в которую попало колёсико тележки. Тележка завалилась на бок, и пациент выпал на пол. Его всё-таки доставили до места и уложили на операционный стол. Анестезиолог надел ему маску и пустил хлороформ. Как это нечасто, но случается, у больного остановилось сердце. Непрямой массаж сердца не помог, и хирург, сделав разрез грудной клетки, взял сердце Кукушкина в свою сильную ладонь и несколькими энергичными сжатиями запустил его вновь.

Из-за резко ухудшившегося состояния больного операцию на пальце отложили. Выяснилось, что при падении с тележки пациент сломал лучевую кость на правой руке, – срочно наложили гипс.

Придя в сознание среди ночи, повелитель царства продуктового изобилия в темноте попытался ощупать себя и с удивлением обнаружил, что его правая рука во что-то закована. Уже левой рукой он нащупал на правой руке гипс, а под левым соском – зашитый длинный поперечный разрез.

Утром дежурный по палате реанимации медбрат рассказал в подробностях Кукушкину, что с ним случилось вчера. Через двадцать дней его выписали из больницы. При этом дали направление в травматологию, чтобы там завершили лечение перелома.

Травматолог, посмотрев рентгеновский снимок, вспомнил негромким ласковым словом мать хирурга – за то, что тот неправильно зафиксировал обломки. Лучевая кость срослась криво, и её надо было опять ломать. Это было уже выше сил несчастного Кукушкина, но ему пришлось покориться. В отличие от хирурга, травматолог оказался неговорчивым, да и чем бы он смог помочь пациенту в этом клиническом случае. Он по живому сломал кость и сложил как надо.

Вся эта больничная эпопея Кукушкина продлилась полтора месяца. В общей суматохе про воспалившийся палец, из-за которого вся эта карусель и закрутилась, доктора, и сам больной, как-то позабыли – всем было не до того. А когда вспомнили, нагноение пальца уже провалось само по себе.

В этой невесёлой истории был один позитив: Степан, после всего того страшного, что он перенёс, совсем перестал бояться уколов – подкожных, внутримышечных и даже, вы не поверите, внутривенных.

Сорокалетний Кукушкин прожил ещё восемь лет, и жил бы ещё долго, но утонул в море, отдыхая с молодой любовницей в Таиланде. Чёрт его понёс на этот дайвинг, лучше сходил бы на шоу трансвеститов.

Звонок от Чичикова

Кладбищенские рабочие обычно не упускают случая подобрать с могилки початую бутылку водки, которую зачастую оставляют малопьющие родственники и друзья покойного. Подбирают и конфеты, завернутые в фантики. Худо-бедно, на кладбище всегда найдётся что выпить и чем закусить. Новички поначалу брезгуют этим угощением от покойников, но скоро привыкают. Куда ты денешься, если с утра горят трубы, а денег на опохмелку нет.

Миша Воробьёв, томимый неутолимой жаждой и страдавший от постоянного безденежья, в первый день работы на кладбище брезговал ровно одну секунду. Столько времени ему понадобилось, чтобы решиться выпить полстакана водки, которую он обнаружил на одном из надгробий. Не упускал он таких случаев и потом. Но как-то раз – то ли насвай Воробьёву по мозгам шарахнул, то ли макушку солнцем перегрело – случилось с ним нечто не поддающееся никакому логическому объяснению.

На одной из могил Михаил увидел закупоренную бутылку коньяка «Хеннесси» и плитку шоколада «Гунтхарт» с не порванной обёрткой. Станным было то, что могила была явно заброшенной – заросшей травой по пояс и с просевшим холмиком, безо всяких опознавательных знаков. Тем не менее, шикарная выпивка и отличная закуска присутствовали на ней.

«Что за чертовщина? – подумал Воробьёв. – Вдруг, отравы? Да и хрен с ним – помирять, так с кайфом!»

Он подобрал находку, нашёл ближайший столик со скамейкой и вкусил кладбищенских даров. Отхлебнув из бутылки несколько раз, он почувствовал необычайную эйфорию!

Старенький мобильный телефон Sony Миша носил в кармане как часы – сим-карта в нём давно была отключена за неуплату, да оно и к лучшему – не надоедали своими звонками многочисленные кредиторы. И вдруг этот мобильник запиликал мелодией вызова!

Воробьёв надавил кнопочку приёма и поднёс аппарат к щеке.

– Алё! Слушаю вас. Это кто?

– Чичиков, – ответил бодрый голос.

– Чего изволите, Павел Иванович? – неожиданно для себя перешёл на обходительный тон Воробьёв.

– Ты там мёртвые души переписываешь, мне доложили.

– Точно так.

– А знаешь ли, что на меня работаешь?

– Никак нет. Но теперь буду знать!

– Смотри мне, от работы там не отлынивай, пьянствуй поменьше. Скоро приеду за списками.

– Не подведу вашего доверия! – пообещал Миша.

Когда он к вечеру проснулся на кладбищенской скамейке, то не нашёл ни бутылки из-под коньяка, ни фольги от шоколадки.

«Надо с насваем завязывать, – подумалось ему, – а то совсем крыша съедет».

Про лохотроны

Под богатым каменным надгробием лежал Фёдор Семёнов. При жизни он был сначала подающим большие надежды учёным-математиком, а потом известным в Благовонске бизнесменом.

Первым его шагом к богатству было мошенничество. Этот способ заработка лёгких денег Семёнов подсмотрел в 1991 году в Ленинграде, где был на защите своей кандидатской диссертации. Какой-то человек, по виду бурят, стоял на Невском проспекте и держал самодельный транспарант с надписью, выполненной на листе ватмана плакатным пером: «В фонд спасения Байкала». У его ног была картонная коробка из-под ботинок, в которой лежала приличная кучка банкнот разного достоинства.

И Фёдор решил перенять опыт этого афериста. Поскольку сам он был гураном (потомки от смешанных браков русских первопоселенцев Забайкалья с местными народностями монголоидной и маньчжурской групп), его можно было принять за бурята. Решив, что для Ленинграда двух сборщиков денег в этот фонд будет многовато, он встал на экологическую вахту в Москве. Он простоял на Красной площади – возле собора Василия Блаженного – полдня и собрал сумму, равную своей месячной зарплате ассистента кафедры. На следующий день к нему подошли крепкие ребята в куртках-кожанках и штанах-трениках и предложили свою крышу, потребовав за это четверть от выручки. Федя согласился. Потом подошёл постовой милиционер и предложил свою и своих сменщиков охрану по такой же таксе. Федя опять согласился.

Так он и стоял три года под двойной охраной, пока не попал под статью о незаконных валютных операциях. На Красной площади, известно, всегда много зарубежных гостей, и многие из них, услышав перевод надписи на Фединем транспаранте, делали пожертвования в валюты своих стран. Его повязали возле Лобного места, где он обычно менял доллары, фунты, марки и иены у знакомого валютчика.

Демократия уже шагала по стране, но статью УК РСФСР за незаконные валютные операции ещё не отменили.

Отмотав три года на зоне, а потом ещё два года на химии, Семёнов приобрёл кучу полезных знакомств в уголовном мире. Откинувшись, – извиняюсь, выйдя на свободу, – он осмотрелся в новой уже жизни и убедился, что изменились лишь её формы, а содержание осталось старым. Как и встарь, все начальные капиталы сколачивались преступным путём. Больше всего, из-за малой стартовой затраты, ему понравились уличные лохотроны.

Не владея ловкостью рук, необходимой для игры в напёрстки и три карты, и будучи в прошлом научным работником с учёной степенью, Фёдор организовал беспроеигрышную лотерею, в основе которой была теория вероятности, игравшая на руку ведущему. В непрозрачный вращающийся барабан закладывалось 36 целлулоидных мячиков от пинг-понга, шесть раз пронумерованных от 1 до 6. Игроку, заплатившему 100 рублей, предлагалось достать из барабана шесть шариков. Если хотя бы одна цифра повторялась дважды, игроку вручалась газовая зажигалка, трижды – электронная игрушка «Тетрис», четырежды – пылесос, пятижды – цветной телевизор... Счастливчику, доставшему из барабана шесть одинаковых цифр, тут же вручались ключи и технический паспорт от автомобиля «Жигули». По теории вероятности, за день машина могла выпасть приблизительно лишь одному из 10 000 000 игроков.

И хотя шансы выиграть «Жигули» были исчезающе малыми, Фёдор подстраховался и здесь – ключи с вазовским брелоком были настоящие, а техпаспорт – поддельным.

В отличие от остальных лохотронщиков, Семёнов официально зарегистрировал свою беспроеигрышную лотерею в городской администрации, ежемесячно отчисляя 10% от прибыли в бюджет Благовонска на нужды культуры и спорта. Таким образом, он не только обезопа-

сил себя от милиционеров, но даже получил их защиту. Впрочем, помня поговорку про суму и тюрьму, от которых не надо зарекаться, ещё половину от оставшейся прибыли он отдавал в воровской общак.

Скоро государственные мужи, в поисках дополнительных доходов в казну, удумали разрешить в России игорный бизнес. Не без деятельного участия Фёдора Семёнова Благозвонск превратился в русский Лас Вегас – весь центр города светился неоновыми огнями вывесок казино.

Это было воистину золотое время. Калейдоскоп рулетки, как магнит канцелярские скрепки, притягивал игроков, блэкджек-патрошитель выворачивал карманы клиентов – проигрывались заводы, пароходы и самолёты, квартиры, обручальные кольца и золотые коронки. Неудачники стрелялись и вешались. Семёнов уже не знал, куда деть деньги...

Фёдор Семёнов умер нелепой и мучительной смертью, откушав в Гонконге японских суши, заражённых неизлечимыми микроглистами, съевшими его организм изнутри за неполный месяц. За этот короткий срок он успел потратить на дорогостоящие, но совершенно бесполезные импортные лекарства все свои немалые сбережения на чёрный день.

Made in Blagozvonsk

Деревянная тумбочка, на которой был прибит мебельными гвоздиками кожаный лейбл Levi's, была памятником лучшему из благозвонских портных с основания города.

Портняжному делу Виктор Яблоков выучился ещё в школьные годы, переняв секреты ремесла у соседа по коммунальной квартире – бездетного бобыля Марка Захаровича Гольдштейна. Старый еврей зарабатывал на курочку тем, что обшивал артистов местного драмтеатра, а заодно и стилияг Благозвонска. Когда в универмаге продавались двубортные пиджаки унылого покроя и давно вышедшие из моды брюки с широкими штанинами, Гольдштейн воспроизводил по фотографиям из журналов Time и Life ультрамодные блейзеры на двух пуговицах короля рок-н-рола Элвиса Пресли и его брюки-дудочки по щиколотку.

К выпускному вечеру Витя сшил себе битловский костюм, с пиджаком без воротника и зауженными брючками, в надежде произвести фурор среди одноклассниц и выпускниц параллельного класса. Но на входе в школу его перехватил патруль из членов родительского комитета и завернул домой, переодеваться в нормальную советскую одежду. Витя устыдился своего старого школьного костюма, вытертого на локтях и с пузырями на коленях, и не пошёл на выпускной бал, до утра проплакав от обиды.

В текстильный институт он не поступил, не пройдя по конкурсу, и его призвали в армию. Три года рядовой Яблоков по ночам подгонял по фигуре военную форму дембелям. Искусство заключалось в том, чтобы китель и брюки не топорщились, но и не выходили за рамки уставных требований. Оплата за работу была натуральными продуктами – пайковым сливочным маслом и папиросами, которые некурящий Витя менял на конфеты-подушечки «дунькина радость». Но главное, что получил за это время Яблоков, был большой практический опыт. К концу службы он соответствовал шестому разряду швейника-моториста, хотя и работал на старинной машинке «Зингер» с ручным приводом.

Уволившись в запас, Виктор приехал домой и устроился в ателье индпошива Военторга. Три года он обшивал генералов и высших офицеров. Форменная и гражданская одежда благозвонского кутюрье шла нарасхват – чинам ниже полковничьего надо было ждать в долгой очереди.

По ночам Виктор шил поддельные джинсы Levi's. Диагональную хлопчатобумажную ткань цвета хаки он отбеливал в хлорке и красил синим анилиновым красителем. Швейная машинка для шинельной ткани хорошо пробивала четырёхслойные джинсовые швы. Яблоковские джинсы внешне почти не отличались от оригинальных, но лишь до первой стирки, после которой они превращались в неопрятную тряпку. Краситель индиго подделать было невозможно.

После того как на благозвонской барахолке одно из таких изделий было куплено за 70 рублей женой милицейского генерала, на поимку подпольного портного бросили все силы местного ОБХСС. И скоро Виктор Яблоков загремел под фанфары, получив пять лет усиленного режима.

На зоне Яблоков днём был бригадиром цеха пошива спецодежды, а по ночам – такая уж была его планида! – выполнял заказы жён и дочерей администрации лагеря.

Выйдя на свободу, Виктор был очень удивлен произошедшим в обществе переменам – вчерашние преступники-цеховики в одночасье стали уважаемыми и поощряемыми властями кооператорами.

Виктор Яблоков тоже создал свой швейный кооператив. Если вы увидите в Благозвонске в мусорном контейнере выброшенные кем-то старые джинсы-варёнки образца 1990 года, так знайте, что эта модель (последний писк моды в то время) была разработана и пущена в производство Яблоковым. Поддельные американские джинсы Levi's он тоже продолжал шить

и достиг такого совершенства, что однажды партия коттоновых штанов цвета индиго Made in Blagozvonnsk была легально продана за океан, на свою историческую родину.

Дела у Виктора шли как никогда хорошо, но с открытием прибрежной торговли из-за Амура пошёл валом китайский текстиль, разом похеривший всю отечественную швейную промышленность.

Яблоков запил по-чёрному и в конце концов умер где-то под забором, отравившись стеклоочистителем.

Аномальные места

Как-то раз, солнечным июльским днём, аккуратно после выдачи зарплаты в МП «Ритуальный сервис», на кладбище нагрянула съёмочная группа одной из местных телекомпаний. Журналистка, представившаяся Леной, судя по всему, была многоопытной дамочкой. Щетина с Мишиного одутловатого лица была тут же сбрита одноразовым станком, так кстати, оказавшимся в её сумочке. Видя похмельные страдания Воробьёва, она утолила его жажду банкой «Балтики-9». И лишь после того, как интервьюируемый приобрёл товарный вид, началась съёмка.

– Илья, сначала меня возьми крупным планом, а потом нас двоих – общим, – отдала оператору указание теледива и продолжила уже на камеру: – Расскажите, как идёт инвентаризация кладбища?

– За полтора месяца мною описано порядка восьми тысяч могил, что соответствует графику плана, – обстоятельно ответил Миша. Вспомнив при этом голосовые интонации и устойчивые словосочетания многочисленных комбайнеров и доярок, шахтёров и ткачих, звеньевых и бригадиров, директоров заводов и председателей колхозов, которых он сам расспрашивал – в бытность свою корреспондентом сначала районной, а потом и областной газеты.

Воробьёв аппендиксом чувствовал, что журналисточке и самой до чёртиков надоело проводить такие вот нудные интервью, и он решил ей подыграть. Ещё через пару-тройку проходных вопросов-ответов они подошли к кульминации сюжета.

– Скажите, а что-нибудь необычное вы здесь встречали? – как бы мимоходом спросила Лена.

– Конечно, чуть не каждый день встречаю, – не обманул её ожиданий Миша.

– А что именно?!

Воробьёв заметил, что оператор делает наезд на его лицо, и крупным планом ответил:

– Вот, к примеру, с неделю назад я оказался на месте, где пальцы мёрзли, как зимой в мороз. Представляете – жара под сорок градусов в тени, а пальцы замерзают так, что не сгибаются.

– Что же это было, как вы думаете?! – аж взвизгнула от радости экзальтированная журналистка.

– А чёрт его знает, – ответил Миша, наложив на себя крёстное знамение. – Как будто ледник под землёй.

– И вы можете показать это загадочное место?

– Конечно, могу. А вчера какой-то игрунок со мной шутки шутил.

– Какой ещё игрунок?

– Это такое безобидное существо – мне шнурки развязывал на кроссовках.

– Может, вы за что-нибудь зацепились шнурком?

– Ну как же. Туго затягиваю, крепко завязываю – пара минут, и сами развязались. И так несколько раз подряд. Я «Отче наш, иже еси...» прочитал, он и отстал сразу.

– А почему вы называете это существо игрунком?

– Мне про них ещё бабушка рассказывала. В старину они девкам косы расплетали.

– Так давайте же пройдем по этим аномальным местам! – попросила Лена.

Поплутав с четверть часа между могилок, Воробьёв наконец остановился наугад возле одной из них – с деревянной тумбочкой без номерка и таблички, с едва заметным холмиком, заросшим бурьяном.

– Вот здесь у меня замёрзли пальцы.

– А почему у меня сейчас не мёрзнут? – усомнилась Лена. – Илья, у тебя мёрзнут? И у него не мёрзнут.

– Так я тогда это место святой водичкой окропил, – нашёлся Миша, похлопав ладонью по армейской фляжке, висевшей у него на поясном ремне.

– Илья,ними могилку крупным планом, – сказала теледива.

– Это... аккумулятор сел, – растерянно ответил оператор.

– Так поставь запасной!

Илья заменил аккумулятор и растерянно сказал:

– И этот... сел.

– Может, ты его не зарядил?

– Всю ночь на подзарядке стоял.

На этом съёмка закончилась. Воробьёв опытным взглядом оценил помятое лицо Ильи и подумал, что в телекомпании, должно быть, вчера тоже был день выдачи зарплаты, и видеооператору уже было не до подзарядки аккумулятора.

Когда они вышли на дорогу, Лена спохватилась:

– Ой, я кулон из нефрита потеряла – цепочка сама по себе разомкнулась!

А вечером в программе «Новости дня» три раза повторили сюжет с кладбища. Мишина шутка удалась на славу, на завтра сенсационный сюжет о потусторонних силах на кладбище Благовонска показали по центральным российским телеканалам и даже в эфире Би-Би-Си.

Про нечистую силу

Но шутки шутками, а в действительности – есть ли на земле нечистая сила? Есть! Не из пальца же высосал Николай Васильевич сюжеты для «Вия», «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и «Сорочинской ярмарки». В стародавние времена на Руси в каждой деревне было по своей ведьме, колдуну и оборотню. Случится неурожай пшеницы, ржи или овса – это ведьма наворожила, а не хозяин поля сроки сева прозевал. Нападёт на коров сибирская язва – колдун порчу напустил, а не заражённое сено кто-то в деревню привёз. Напугает позднего прохожего волк-оборотень – это не из-за того, что припозднившийся в гостях самогона перепил, а потому, что по матери ругался, когда переkreщивался.

Потом началась социалистическая индустриализация, и деревенский народ – кого пряником поманили, а кого кнутом погнали – подался на стройки пятилеток. Нечисти куда деваться? И она вместе с честным народом в город потянулась. Упал на стройке кран – то не гравийное полотно под рельсами просело, а колдун вредительский акт устроил. Пошёл на мануфактурном комбинате брак – то не станки разрегулированы, а злая ведьма нашептала. В рабочей столовой нет мяса в щах – то сырую свиную тушу упырь ночью сожрал, а не повара украли.

Нечистая сила бывает разного калибра. У одной нечисти силёнок достаточно, лишь чтобы в отдельно взятом колхозе падёж курей или свиней устроить. А бывает такая сильная нечисть, что голодомор по всей Украине, с её-то плодородными чернозёмами, организует.

И только на очередном съезде РСДПР – КПСС скверну выявят и вычистят, как она тут же видоизменяется, приобретая новую внешность – то левых перегибов и головокружения от успехов, то культа личности и волюнтаризма, то ускорения и перестройки.

Нечистая сила идёт в ногу с научно-техническим прогрессом. Включите телевизор, и вы услышите, как кот Баюн докладывает о предстоящем снижении уровня инфляции, а сладкоголосая Сирена – о скором укреплении курса рубля. И под эти колыбельные песенки всякого вида вампиры сосут, аж причмокивают, кровушку народную.

Есть нечистая сила – факт!

Без роду и племени

Поражает постоянное стремление всякого толка революционеров и реформаторов вмешиваться в порядок исчисления времени. Так, день Великой французской революции в этой стране был объявлен началом эры. Российские коммунисты хотя и назвали день Великой октябрьской социалистической революции началом новой эпохи, но не стали изменять действующий календарь. Вместо этого большевики ввели неделю из пяти рабочих дней и одного дня отдыха, которые так и назывались: 1-й, 2-й, 3-й, 4-й и 5-й рабочие дни и день отдыха. Таким хитрозадным способом воинствующие безбожники избавились от ненавистного им воскресенья.

Французские коммунары и российские большевики внесли своими новшествами сумятицу в подсчёт времени, но их календарные реформы были недолговечными, в масштабах истории человечества, можно сказать, сиюминутными.

Особый случай – та изумительная путаница, которую внесли в нашу повседневную жизнь православные попы. Из-за нежелания идти в ногу с Римским папой, они отмечают все события Нового завета на 13 дней позже остального христианского мира.

Русскому человеку, известному своим стремлением вести праздный образ жизни, удалось найти оправдание своей лени и здесь (и в этом я не отделяю себя от народных масс). Новый год мы, россияне, празднуем два раза. Как это по-русски звучит: «Старый Новый год»!

А наши пращуры жили без календаря. Не догадываясь, что понедельник день тяжёлый, а пятница 13-го – самый плохой день. Да что там годы, месяцы и недели, первобытные люди просто не смогли бы опоздать на службу, будь у них таковая, поскольку даже не подозревали, что сутки состоят из 24-х часов.

Я не хочу подвергнуть сомнению целесообразность разделения астрономического дня на 24 часа. С другой стороны, зачем кому-то понравилась именно цифра 24. Почему, не 12? Представляете – четырёхчасовой рабочий день! Но, бога ради, не 48 часов в сутках! Тогда, капец, загнёмся на работе!

Часть современного человечества, так называемые бомжи, интуитивно осознав все выгоды вневременного существования, пошла по пути эволюционного регресса. Скажите мне, чем отличается бомж от неандертальца? Так же, как и его доисторический предок, бомж не имеет паспорта, живёт в пещере и добывает пропитание собирательством. Колодец тепло-трассы – та же пещера, только техногенная, поиски пищевых отходов в мусорных контейнерах – чем не собирательство. Но, главное их сходство – независимость от времени. Спроси бомжа, который час. Ему это надо?

Бомжей хоронят на участке для безродных. Могилы им копают «экономичные» – на ширину ковша экскаватора, памятник – деревянная тумбочка с порядковым номером. Родственникам не надо покупать венки, заказывать похоронный оркестр и поминки в столовой. И безутешные вдовы не падают в обморок при стуке молотка, когда приколачивается крышка некрашеного гроба.

И Воробьёву бомжи не доставили хлопот. Все бланки инвентаризации на них Миша заполнил, сидя на скамеечке в тени деревьев, как под копирку: ФИО – нет, дат рождения-смерти – нет, памятник – тумбочка деревянная. Осталось лишь обойти участок захоронения безродных и переписать номерки могил.

Последний герой

В этот день Воробьёва послали в командировку по городу. Оказалось, исторические захоронения на территории Благозвонска также находятся в ведении МП «Ритуальный сервис». Ведь, если отбросить идеологию, это обычные могилы, только за пределами кладбища.

– Вот тебе проездной билет на автобус – поедешь к могиле Тараканова. Запишешь даты рождения-смерти, материалы и размеры памятника. В общем, всё по установленной форме, – напутствовал Мишу главный инженер.

Могила Пантелея Тараканова находилась в центре Благозвонска в окружении сквера. Над могилой был установлен бронзовый бюст мужчины с интеллигентным лицом в круглых очках. На табличке было написано: «Здесь покоится тело первого председателя Благозвонского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Пантелея Тараканова, зверски убитого японскими интервентами и белогвардейцами 13 марта 1919 года. Вечная память и слава герою!».

Путь Пантелея в революцию начался с того, что он, студент коммерческого училища, примкнул к ячейке большевиков-подпольщиков в Благозвонске. Городок на Амуре был транзитным пунктом переправки в Китай революционеров, скрывавшихся от царской охраны. Перейдя по льду речную границу, они добирались до Шанхая, откуда морем переправлялись в Америку и Европу. Проводниками были местные контрабандисты, русские и китайские, работавшие не за идею, а за деньги. Денег всегда недоставало. И когда в Благозвонске объявилась банда варшавских фальшивомонетчиков, здешние большевики-подпольщики помогли им обустроиться и наладить печатанье поддельных банкнот. Фотографическая мастерская, в которой изготавливались клише для фальшивых денег, была оформлена на Тараканова. Фальшивомонетчики работали с размахом, и касса подпольщиков переживала свои самые лучшие времена. Но, сколько верёвочке ни виться... Банду взяли с поличным и судили. Пантелей получил десять лет каторги, но не отбыл и трети срока – свободу ему даровала революция.

Товарищи по партии признали уголовное преступление Пантелея несущественным фактом, поскольку он таким способом добывал деньги для дела революции. Вскоре Тараканов был избран председателем Благозвонского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Советская власть продержалась недолго – скоро Благозвонск был занят японцами и колчаковцами. Большевики опять ушли в подполье и начали подготовку вооружённого восстания. В ходе одной из облав Пантелея поймали. Он мужественно держался на допросах и никого не выдал, хотя и подвергался пыткам. Узнав, что подпольщики готовят нападение, чтобы освободить своего руководителя, колчаковцы поспешили перевести его из контрразведки в тюрьму. Тараканова застрелили при попытке побега.

В годы советской власти Пантелей Тараканов был канонизирован как герой революции, погибший за счастье народа. К 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции городской партактив выступил с инициативой переименования Благозвонска в Таракановск. Неожиданно из Москвы пришёл ничем не мотивированный отказ.

И лишь в годы перестройки, когда были рассекречены архивы ВЧК – НКВД – КГБ, открылась истина.

Оказалось, что сразу после Гражданской войны документы колчаковской контрразведки попали в руки чекистов, и стал известна история предательства Тараканова. Как следовало из протоколов и письменных признаний самого Пантелея Тараканова, он начал давать показания на первом же допросе. Попросил карандаш и бумагу и подробно описал адреса явочных квартир, склады оружия и боеприпасов, назвал поимённо всех известных ему подпольщиков. В городе и в сёлах начались аресты и расстрелы. Самого Тараканова, за ненадобностью, кол-

чаковцы тоже пустили в расход. Вывели из здания контрразведки на улицу, сказали: «Беги!» – и пустили пулю в спину.

Несколько десятков лет признательные записи Тараканова хранились под грифом «Совершенно секретно!». Их многократно подвергали графологической экспертизе – в надежде обнаружить фальсификацию. Но все без исключения экспертизы подтвердили, что под протоколами допросов стоят подлинные подписи арестованного, его же рукой написано многостраничное раскаяние и донос на товарищей по подполью.

За это время именем героя революции и гражданской войны были названы село, где он родился, улица, где он погиб, судостроительный завод, педагогический институт, теплоход, сквер; у его могилы принимали в пионеры и в комсомольцы, отсюда отправлялись отряды на целину и на стройки пятилеток.

Новые власти не спешили принимать политическое решение о демонтаже памятника Пантелею Тараканову и о переносе его могилы на городское кладбище. Так и стоял он, покрытый слоем купоросно-зелёной окиси, с высоты гранитного постамента безучастно взирая на карусель окружающей жизни. Про таких говорят: «Ни богу свечка, ни чёрту кочерга».

А Миша Воробьёв добросовестно выполнил свою работу, записав в бланке инвентаризации:

*«Могилы Тараканова
ФИО: Тараканов Пантелей Афанасьевич
Даты рождения-смерти: 1878—13.03.1919
Материал памятника: гранит-бронза
Ограда: якорная цепь, 3,5х3,5 м
Состояние могилы (подчеркнуть):
хорошее, среднее, плохое.
Особые отметки: нет».*

Птица тройка

Откуда-то издали донесся звон бронзового колокольчика, какой висит под дугой коренного жеребца в русской тройке. Колокольчик звучал всё громче и ближе, и, наконец, на кладбищенской дороге показалась бричка, запряжённая в тройку лошадей.

– Тпру! – крикнул извозчик и натянул вожжи.

Бричка встала, и из неё вышел господин «не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако ж и не так, чтобы слишком молод», одетый во «фрак брусничного цвета с искрой».

«Чичиков приехал!» – сразу узнал господина из брички Миша.

– Что, Михаил, много ты сегодня для меня мёртвых душ переписал? – спросил Чичиков у Воробьёва.

– Здесь сто восемьдесят три, – ответил Миша и протянул Чичикову свою сумку-планшет с заполненными бланками инвентаризации кладбища. – Остальные я сдал главному инженеру. Там много – пятнадцать тысяч с лишним. Только вот как же мне их теперь взять оттуда для вас.

– Я уже забрал, – успокоил его Чичиков, принимая исписанные бланки – в подтёках от капель пота, в пятнах крови от раздавленных комаров.

– Павел Иванович, – робко попросил его Миша, – теперь меня с работы точно уволят, возьмите к себе на службу.

– Беру, Воробьёв, тебя своим секретарём, – обрадовал Мишу Чичиков. – Садись рядом со мной и приступай.

Счастливый Воробьёв взобрался вслед за своим новым начальником в бричку.

– Поехали! – толкнул Чичиков в войлочную спину извозчика.

Тот крикнул:

– Н-но, треклятые! – И взмахнул при этом вожжами.

Кони рванули, бричка с грохотом понеслась. Сначала она тряслась по гравийной дороге, то и дело наезжая колёсами на большие булыжники, но потом ход её стал плавным. Миша с удивлением увидел, что кони вместе с бричкой уже летят по воздуху, набирая высоту, отталкиваясь коваными копытами – будто это был не небесный эфир, а земная твердь. И уже далеко внизу, как на Гугл-карте, осталось и кладбище, затем и город, а потом и вся эта огромная – от Балтийского моря до Тихого океана – страна.

«Так вот почему – птица тройка!» – успел радостно подумать Миша.

А внизу медленно проплывали величавые реки и озёра, красивые леса и горы, и уже не были видны за дальностью расстояния все мерзости России, как то: раздолбанные дороги и покосившиеся избы деревенок, вызывающе роскошные дворцы и яхты, и сам бедный русский народ, и его ненасытные паразиты-кровопийцы.

Птица тройка летела напрямик к ослепительно белому, взрывающемуся термоядерными протуберанцами шару дневного светила. С каждой секундой становилось всё жарче, и скоро и кони, и люди распались на атомы, из которых были кем-то и зачем-то замешены и вылеплены.

О Воробьёве спохватились лишь через три дня. Сначала подумали, что Миша запил и забил на работу. Потом, на всякий случай, послали смотрителя кладбища поискать по участкам. Труп техника-инвентаризатора лежал на спине, на его лице застыло выражение полного счастья. Судебно-медицинская экспертиза показала ненасильственный характер смерти, а врач-патологоанатом назвал её причину – геморрагический инсульт (как говорили во времена Гоголя, апоплексический удар).

Из морга тело Михаила Воробьёва никто не забрал, и его похоронили за счёт государства на участке для безродных покойников. Закопав некрашенный гроб, несентиментальные могильщики пустили по кругу из горла бутылку водки, зажевав печеньем с чьей-то свежей могилы.

Через неделю студентка на каникулах, принятая на освободившееся место, аккуратно описала его могилу на бланке инвентаризации.

А потом случилось нечто таинственное, не поддающееся какому-то материалистическому объяснению. Когда решили оприходовать инвентаризационные бланки, заполненные Воробьёвым за два с половиной месяца, обнаружилось, что во всех десяти картонных коробках из-под принтерной бумаги «Снегурочка» лежали незаполненные пустографки. Кто-то предположил, что Воробьёв делал записи исчезающими симпатическими чернилами. Бланки смотрели на просвет и гладили горячим утюгом, но на них ничего не проявилось.

Опросили всех сотрудников офиса, не заметили ли они в последнее время чего-то необычного или подозрительного. Завхоз и уборщица показали, что в день Мишиной смерти к конторе «Ритуального сервиса» подъезжала чёрная бричка, запряжённая в тройку вороных коней, которую они приняли за новый катафалк в ретро-стиле. Из брички вышел какой-то господин, одетый по старинной моде, который поднялся на второй этаж, где кабинет главного инженера, а потом спустился с большой полосатой китайской сумкой, наполненной чем-то. Были внимательно просмотрены записи за тот день с камер внешнего и внутреннего наблюдения, но на них ничего такого зафиксировано не было. Чтобы не прослыть ротозеями, тем паче шизофрениками, решили не сообщать о таинственной пропаже в полицию.

Как говорится, замяли для ясности.

И правильно поступили – какой может быть спрос с Чичикова.

Парусник Маака

Повесть – ретроспектива

*Посвящается неутомимому и мужественному исследователю
и патриоту Приамурского края
Ричарду Карловичу Мааку.*

Тетрадь в коленкоровом переплёте

После развода с женой и раздела нашей трёхкомнатной квартиры мне досталась однушка в двухэтажном доме послевоенной постройки. Скрипучая деревянная лестница, площадка на три квартиры, высокие потолки и комната в два окна, с тесной кухонькой и совмещённым с ванной унитазом – общей площадью 30 квадратов. Да, забыл, ещё ветхий балкон, на который страшно выйти без парашюта.

Расставив привезенный скарб и подключив Интернет, я отправился искать старшего дома, чтобы узнать, который из подвальных чуланов мой. Моя кладовка была первой от входа налево. Прежде чем занести туда сетку картошки и картонную коробку с луком, мне предстояло освободить чулан от хлама, оставшегося от старых хозяев.

К моей радости, наследства было немного, да и то оказалось не совсем бесполезным.

Ну, кто сейчас выбрасывает на мусорную площадку старый венский стул, который после несложной реставрации может стать украшением квартиры в стиле ретро. В фанерном футляре я обнаружил ручную швейную машинку Подольского завода, производства 1963 года – вещь вполне антикварную, и достойную того, чтобы стоять в моей квартире на почётном месте.

Годовые комплекты журнала «Коммунист» застойного брежневского периода интереса для меня не представляли, и были вынесены на свалку истории. Затем на мусорную площадку, по той же причине, последовали собрания сочинений двух писателей – поэта и прозаика, лауреатов Сталинских и Ленинских премий, Героев Социалистического Труда. Свёрнутый рулоном узбекский ковёр и неполный чехословацкий хрустальный сервиз также пошли на вынос.

В тусклом свете двадцативаттной лампочки накаливания под раздачу чуть не попала и старая тетрадь в коленкоровом переплёте. Только выйдя из подвала на свет дня, я рассмотрел, что было в этой общей тетради. Я увидел записи, сделанные чернильным пером – каллиграфическим почерком, с наклоном и нажимом. Но главное, с архаическими «ъ», «і» и твердыми знаками в конце слов.

Вечером, поставив на вертушку винил рок-группы Pink Floyd и поудобней улегшись на диване, я открыл старую тетрадь. Чтение захватило меня с первых строчек.

Это была рабочая тетрадь благовещенского журналиста, жившего во второй половине XIX века. Звали-величали его Дмитрием Макухиным, и был корреспондентом еженедельного литературно-сатирического издания «Амурский ротан», которое почilo в бозе, не успев появиться на свет (увы, бывает и так, когда речь идет о газете или журнале).

Чтобы не испортить неподражаемого стиля Дмитрия Макухина, я публикую его тетрадь полностью, но с изменениями, выражающимися во вставке слов и целых предложений, утраченных в тех местах, где листы были безнадежно попорчены мышами. Старинные русские и китайские меры длины, веса и объема я дополнил современными европейскими. Также сделал, где надо, сноски-пояснения.

Между страницами тетради был вложен в качестве закладки лист белой рисовой бумаги, по краям также потраченный мышами. Но рисунок цветной китайской тушью на нём хорошо сохранился. Казалось, огромная бабочка яркой раскраски сейчас взмахнет крыльями и полетит. Под рисунком стояла надпись печатными буквами: «Парусникъ Маака (Papilio taakii). А ещё ниже – размашистый автограф: «Ричардъ Маакъ. 17-го августа, 1886 года, г. С.-Петербургъ».

Краткое вступление

Детство моё прошло в доме на улице Зейской. Отец мой, мелкий чиновник городской управы, утонул при купании в Амуре, когда мне было семь лет, и матушка, чтобы прокормить нас, троих детей, из коих я был самым старшим, сдавала комнаты жильцам. При доме был огород, служивший нам большим подспорьем в части пропитания, и я с юного возраста помогал матушке поливать и пропалывать грядки.

И вот там, в нашем огороде, однажды увидел я огромную бабочку необыкновенной красоты. Цвет её крыльев, отливающих металлическим блеском, невозможно было описать: но был и чёрный, и лазоревый, и зелёный сразу. Матушка не знала, что это за бабочка: на её родине, в Саратовской губернии, таких не было.

Тогда я ещё не мог и вообразить, что пройдут годы – и мне доведётся встретиться с учёным-естествоиспытателем, чьим именем названо это дальневосточное чудо, эта самая большая бабочка России. С человеком из числа подвижников графа Муравьёва-Амурского, одним из творцов истории Русского Приамурья – Ричардом Карловичем Мааком. О встречах с которым и хочу поведать вам, уважаемые читатели.

Прошу вас по возможности быть снисходительными к шероховатостям моего стиля изложения, поскольку вы читаете не творение писателя, а всего лишь записки провинциального журналиста.

«Амурский ротан»

Когда в Благовещенск из Петербурга была доставлен новый журнал «Ревизор», я обратил внимание на статьи, напечатанные в разделе «Фельетоны». Критическое содержание и саркастический тон этих заметок, авторы которых скрывались за подписями Старый брюзга, Недовольный ворчун, Язва московская и прочими подобными, подвигли меня на подражание. Озарённый вдохновением, я в один присест написал свой первый фельетон.

«НЕ ОБМАНЕШЬ – НЕ ПРОДАШЬ»

Земля амурская слухом полнится, что в Благовещенске есть чиновники и купцы, взявшие себе девизом русскую народную присказку «Рука руку моет, вор вора кроет». Вдвоём можно добиться того, чего одному не удаётся. И хорошо, если такой дружеский союз заключен во благо себе и обществу. А если во благо себе, но во вред обществу? Увы, бывает и так.

В Благовещенске за такими примерами далеко ходить не надо. Вот последний случай, живо обсуждаемый во всех домах и присутственных местах.

Скоро будет год, как в городе существует Дом призрения престарелых и увечных отставных нижних чинов. Сие заведение находится под покровительством городского головы, благотворителями и жертвователями его являются уважаемые граждане города.

Заглянем же в столовую этой богадельни и посмотрим, что там варится в котле для призираемых инвалидов.

Вот в бочках солёная кета, а вот в мешках просыная крупа. Согласно записям в амбарной книге, кета эта последнего улова, а просо привезено из-под китайского города Гирина. Но что мы видим при ближайшем рассмотрении? Кета в бочках заветрена и с неприятным душком. Просыная крупа мелкая и засоренная отходами молотбы. В лабазах Благовещенска ходят слухи, что это вовсе и не кета, а горбуша, и хранится она уже, самое малое, три года, а просыная крупа самого низкого сорта куплена здесь же неподалеку – у зазейских маньчжуров.

Кто же поставщик залежалых и скверного качества продуктов? Купец второй гильдии Яков Фролович Кузеванов, пять лет назад начинавший с лоточной торговли снедью и шинкарства*. А кто принимал и оплачивал эти поставки? Чиновник А. из канцелярии при городском голове. Плохо верится, что здесь не обошлось без подкупа должностного лица.

**Незаконное изготовление, хранение и торговля спиртными напитками.*

Что же это выходит?! На сиротский стол попали некачественные продукты, за которые ещё и заплачено втридорога! А нажились бессовестный купчишко и жадный крючкотвор.

Заглянем в большой энциклопедический словарь *Konversations-Lexikon* и найдем там подходящее к этому случаю слово *corruption*, в переводе с немецкого языка означающее: подкуп, продажность и разложение.

На вопрос: «Куда мы катимся?», есть только один ответ: «Мы катимся в пропасть!».

P. S.

Кстати, обозначенный купец является и поставщиком интендантской службы Благовещенского гарнизона. Что в котле у наших доблестных воинов?

Дятел благовещенский».

Запечатав свой фельетон в конверт, я отправил его в редакцию журнала «Ревизор». С очередной доставкой почты из Петербурга пришёл последний номер сего издания, в котором я, к своей неопишуемой радости, обнаружил произведение, вышедшее из-под моего пера.

Окрылённый успехом, в тот же вечер я написал фельетон в стихах про наших нахлебников.

«ПОЧЕМУ МУКА СТОИТ 5 РУБЛЕЙ*

Прежде был я – как яблок наливный,
А теперь я – как спичка! Ей-ей!
Это что же? Зерно-то – 3 с гривной,
А мучица-то 5 аж рублей!!!
О, наивный обыватель!
Как же глуп и тёмен ты!
Загибай за мной, приятель,
На руках свои персты!
Ну, считай: зерно – 3—10,
А теперь гляди, земляк:
Чтоб отмерить, ссыпать, взвесить —
Положи еще пятак.
На усущку, на утруску,
На подноску, на разгрузку,
Тут, приятель, как ни как,
А добавишь четвертак,
Дальше: возчики,
Переносчики,
Посыльные,
Рассыльные,
Да затем на контрагентов
Тоже надо что-то дать.
Хочешь не хочешь, а процентов
Положи, примерно, пять.
И торговый комитет
Себе просит на обед:
На бумагу и чернила,
Чтоб в казне не пусто было.
Дальше – подходим к помолу:
30 копеек гони мукомолу,
Пока мука дойдет до куля,
Глядь, набежало еще до рубля.
А пока доставишь в лавку —
Тоже сделаешь прибавку:
На извозчиков,
Переносчиков.
Чтобы счесть, сколь пуд утратит,
Чтобы всё принять на вид —
Я боюсь, перстов не хватит
И у всех, кто тут сидит!!!
Пока кусок несешь до рта,
Не остается ни черта!

Дятел благовещенский».

**Сокращённое и немного изменённое одноименное стихотворение, опубликованное в еженедельном литературно-сатирическом издании «Дятел беспартийный», №1 от 14 (27) января 1918 г., автор – Фёдор Чудаков.*

И опять, получив очередной номер «Ревизора», я увидел напечатанным своё произведение.

Решив испробовать своё перо в новом жанре, я сходил в городской храм Талии и Мельпомены, после чего родил на свет рецензию на спектакль.

«СКАЗКА ЛОЖЬ, ДА В НЕЙ НАМЁК?»

В новом здании Благовещенского театра, построенном на добровольные пожертвования горожан разных сословий, поставлена комедия «Ябеда»*.

**Комедия «Ябеда», драматург Василий Васильевич Капнист (1758 – 1823).*

Кратко о содержании этой нравоучительной комедии.

Отставной асессор Праволов – ябедник и сутяжник, затевает процесс против служащего полковника Прямикова – бесхитростного и порядочного человека, чтобы отсудить у того законное наследство – имение отца. Праволов заявляет, что это имение ранее уже куплено им, а Прямиков не тот, за кого себя выдает.

Праволов дает председателю гражданской судебной палаты Кривосудову взятку, и тот соглашается решить дело в его пользу. Прокурор, секретарь и члены судебной палаты также задобрены Праволовым.

На именинах у Кривосудова заходит разговор о назначении нового губернатора – Правдолюба. Судейские опасаются, как бы им самим не попасть в кутузку из-за взяток, ведь Правдолюб честен и неподкупен, рассматривает по справедливости все жалобы.

Пьяные гости поют:

«Бери, большой тут нет науки
Бери, что только можно взять,
На что ж привешены нам руки,
Брать, брать, брать».

Решением судебной палаты имение Прямикова отдано Праволову.

Но тут приходит два пакета из Сената. В первом – приказ, сковав, под стражу взять Праволова – ябеду, разбойника и душегуба. Во втором – приказ, судить всю гражданскую палату уголовным порядком за взятки и толк кривой в делах.

Кроме того, что игра актеров любительской труппы отстает от лучшего, а театральные декорации состоят из старой мебели Общественного собрания, сказать об этой постановке мне почти нечего.

Забыв слова своей роли, то один, то другой актер с мольбой смотрит в сторону будки суфлера. Так и хочется спросить такого: «Если у тебя отшибает память, так зачем же ты лезешь в лицедеи?»

Шепелявость Софьи – невесты Прямикова, при каждом ее появлении на сцене вызвала гомерический смех в зале. Но после спектакля выяснилось, что это просто дефект речи у артистки.

После просмотра комедии «Ябеда» у благовещенского зрителя неизбежно и закономерно возникает вопрос: «Не намёк ли это на местное кривосудие и скорую смену нашего губернатора?»

P. S.

Объективности ради нужно также сказать, что буфет с напитками и закусками, устроенный в антракте между действиями спектакля, был выше всяческих похвал.

Дятел благовещенский»

В свежем номере журнала «Ревизор» моя заметка была напечатана в разделе «Театральная критика».

При выходе с почты, меня остановил какой-то господин в черном кителе с эмблемами в петлицах – в виде двух перекрещенных электрических разрядов в обрамлении двух почтовых рожков, и в фуражке с синим кантом и такой же кокардой, представившийся Прохором Кузьмичом Полозовым – помощником начальника почтово-телеграфной конторы города Благовещенска.

– Поздравляю вас, господин Макухин, с успешным дебютом на ниве журналистики! – сказал он, энергично пожимая мне руку.

– Откуда вы узнали? – удивился я.

– Используя английский дедуктивный метод, – отвечал Полозов. – Я сопоставил два факта. Первый: только вы трижды отправляли письма в адрес редакции журнала «Ревизор». И второй: вскоре в этом журнале трижды появились сатирические зарисовки автора из Благовещенска, скрывающего своё настоящее имя за псевдонимом Дятел благовещенский.

– Надеюсь, вы никому не раскроете моё инкогнито? – попросил я.

– Клянусь здоровьем моей матери! – обещал Прохор Кузьмич. – Будьте так добры, составить мне компанию – я приглашаю вас в ресторанцию.

Через полчаса, угощая меня шампанским вином и устрицами из Шанхая в отдельном кабинете кафе-шантана «Версаль», мой новый знакомый изливал мне свою душу:

– Посудите сами, Димитрий Егорович, какие у меня перспективы карьерного роста? Дослужиться до должности начальника городской почтово-телеграфной конторы или, не дай Бог, быть назначенным начальником отделения шестого разряда в какую-то Тмутаракань. Положить жизнь и здоровье на алтарь служения государству и уйти на пенсию после тридцати пяти лет беспорочной службы в чине коллежского секретаря с годовым содержанием в чetyреста рублей? Нет уж, увольте, это не для меня! После Рождества Христова подам прошение о досрочной отставке.

– Чем думаете заняться потом? – поинтересовался я для приличия.

– До недавнего времени собирался вложить свои скромные накопления в золотодобычу. Но буквально вчера вечером переменил свои жизненные планы и решил заняться издательским делом, – с горячным жаром говорил Полозов. – Печатать свой журнал – всё одно, что печатать ассигнации.

– Полагаете, это так выгодно?

– Несомненно! Скандальные сообщения вызывают ажиотажный интерес читающей публики. Тираж еженедельного городского литературно-юмористического журнала 200 экземпляров будет обеспечен. Если продавать одну книжку журнала за полтинник, получится 400 рублей месячного дохода. Приплюсуйте сюда платные объявления по 25 копеек за строку, станет ещё на 100 рублей больше. За вычетом всех накладных расходов, останется не менее 300 рублей чистой прибыли за месяц. Недурственно?!

Но не всё измеряется презренным металлом. Издатель и редактор городского журнала – уважаемый в обществе человек, с мнением которого считаются не только толстосумы, но и власть предержащие. Одна лишь острая критическая статья может низвергнуть любого сильного мира сего. После власти Государя-Императора, Святейшего Синода и Сената, я убеждён в этом, четвёртой российской властью станет журналистика.

Я слушал его с открытым ртом. Наконец, выпитое шампанское урожая 1860 года так ударило мне в голову, что я уже смотрел на Полозова, как на нового Мессию, был готов стать его апостолом и повсюду следовать за ним. К чему он меня, собственно, и призывал.

– Я предлагаю вам стать моим компаньоном, – предложил Прохор Кузьмич.

– Но я крайне стеснён в деньгах, – честно предупредил я.

– Ваш вклад в наше общее предприятие будет состоять не из материального, а из интеллектуального капитала, – сказал Полозов. – Литературный талант, которым вы владеете, эквивалентен тысяче золотых червонцев.

Польщённый столь высокой оценкой своего литературного творчества, я согласился стать компаньоном Полозова по изданию журнала города Благовещенска, название которого мы тут же и придумали – «Амурский ротан»*.

**Ротан (Perccottus glenii) – хищная рыбка с большой пастью, обитает в водоёмах бассейна реки Амур.*

Я работал конторщиком у паромщика Сомова. На следующее утро я подал заявление на расчёт.

Тем же днём я посетил Полозова на его квартире. Встреча была рабочая – мы обсудили планы по созданию нашего журнала.

Как выяснилось, мой компаньон хочет иметь собственную типографию, чтобы не быть зависимым от кого-либо. Кроме того, пояснил Прохор Кузьмич, это позволит вместе с изданием журнала печатать на продажу разнообразную канцелярскую продукцию, как то амбарные книги и бланки.

Полозов предложил мне незамедлительно поехать в Петербург для достижения договорённости о покупке типографского оборудования. Дорожные расходы до столицы и обратно, а также моё проживание в Петербурге на постоялом дворе, составляли одну четверть всех расходов на покупку и доставку типографии. Чтобы сделать эти затраты менее разорительными для дела, он предложил мне одновременно с главным заданием выполнить ещё одно поручение.

Мне предстояло найти в столице какого-нибудь известного человека и взять у него большое интервью, которое мы потом будем публиковать по частям в номерах нашего журнала.

– У кого же мне взять интервью? – спросил я.

– Да хоть у Ричарда Карловича Маака, который раньше много бывал в наших краях, а сейчас какой-то важный чин в Петербурге.

– Кто такой?

– Говорят, он первый открыл черёмуху, – Полозов указал в открытое окно, за которым буйно цвела раскидистая черёмуха*.

**По своему невежеству господин Полозов не знал, что в его дворе росла черёмуха азиатская (Padus asiatica) – местная разновидность черёмухи обыкновенной (Prúnus pádus). Маак же открыл совершенно новый вид черёмухи, позднее названный в его честь (Padus maackii).*

– Как же можно открыть... дерево?

– А вы пойдите и спросите у него.

– Адрес дадите?

– Да его там каждый извозчик знает.

Недолгие проводы

Итак, я начал сборы в дальнюю дорогу. Значительную часть пути мне предстояло проехать на почтовых лошадях – архаичном транспорте прошлого века. Ускорить передвижение по почтовому тракту можно, если менять лошадей в первую очередь, но для этого нужна официальная бумага, подтверждающая, что вы едете по казённой надобности – подорожная.

– Хорошо бы мне получить подорожную от вашей конторы, – сказал я Полозову. – Вы можете поспособствовать?

– Мой начальник не позволит, – ответил он. – Может, нам самим состряпать подорожную?

– Я не хочу угодить в тюремный замок за подделку документов! – нервно возразил я.

– Как же тогда нам быть?

– Ладно, есть одна мыслишка, – вспомнил я про обширные связи пароходчика Сомова.

К своему бывшему хозяину я шёл с дрожью в коленях – крут норовом был Фрол Лаврович, хотя и быстро отходчив.

– Здравствуйте, – приветствовал я Сомова, не слыша своего голоса.

– Здорово, коль не шутишь. Зачем пришёл?

– В Петербург еду в командировку – от журнала.

– Ну и скатертью дорожка.

– У меня к вам просьба

– Какая?

– Подорожную надо выправить, что еду по казённой надобности.

– Как прижало, «Фрол Лаврович, помоги»? А с какой стати я буду тебе помогать? Ты мне не кум, не сват и не брат.

Тут мне на ум пришла интересная мысль:

– Фрол Лаврович, забудем старые обиды. Вдруг и я вам когда-нибудь пригожусь.

– Чем ты мне, босяк, можешь помочь? – удивился тот.

– Напишу про ваше пароходство статью хвалебную и напечатаю в нашем журнале.

– А сможешь?

– Вот те крест! Чтобы у меня язык отсох, если обману, – побожился я в красный угол на иконы.

– Разжалобил ты меня. Есть у меня человечек прикормленный в канцелярии генерал-губернатора, – подобрел Сомов. – Но и у меня к тебе есть просьбишка.

– Слушаю вас.

– Там, в Петербурге, говорят, много публичных домов.

– Наверно, много, столица всё-таки – культурный центр страны.

– Продаются там альбомчики с гелиографическими картинками, на которых сценки всякие, – тут старый развратник зарделся лицом, как не целованная гимназистка.

– Порнография, что ли?

– Вот, вот! Где парно амурным утехам предаются. Привези мне пару-тройку таких альбомчиков. Я тебе хорошо заплачу.

– Буду рад оказать вам эту мелкую услугу.

– И еще просьба-с.

– Я весь внимание.

– Квашня моя все уши прожужжала. Корсет хочет французский.

– Похожу по дамским салонам, обязательно куплю. Только вы мне размер Матильды Карповны напишите.

– Завтра после обеда за подорожной зайдёшь, я тебе и размер корсета дам, и денег на дорогу подброшу.

Матушка моя, услышав о моём скором отъезде, сильно огорчилась:

– Митенька, как же мы без тебя будем?! Кто дров наколет, огород докопает?

– Не убивайтесь вы так, маменька. Вот вам пять рублей серебром – наймёте китайцев, и они вам всё сделают.

– Да боюсь я их, нехристей.

– Будет что не так, зовите дворника – он им шею-то намылит.

– Ты же привык к домашней еде – язву желудка в дороге наживёшь.

– Не беспокойтесь – для этого на тракте есть постоянные дворы с буфетами.

– Только ты там с купцами водку-то не пей. Обещай мне!

– Обещаю, что не возьму в рот ни капли водки с купцами, – заверил я матушку.

Забрать подорожную я пришёл уже с саквояжем и корзинкой с бутылкой топлёного молока и домашними пирожками.

Передавая мне конверт, Сомов говорил:

– Тут подорожная, размер Матильды и, как обещал, денег немного. Ты на каком пароходе до Сретенска поедешь?

– На «Муромце».

– Билет уже купил?

– Да, за пять рублей с полтиной.

– Сдай в кассу. Я тебя бесплатно на «Матильду» посажу. Едем вместе на пристань.

На пристани я сдал билет на «Муромца», выручив свои деньги. И Сомов повёл меня на свой пароход «Матильда». Поселив меня в одноместной каюте первого класса, он сказал:

– До отплытия ещё полтора часа. Пойдём в «Поплавок» – закусим и выпьем на посошок.

В буфете на дебаркадере, покачивавшемся на волнах, я уже ощущал себя в пути.

Памятуя свое обещание маменьке, я пил исключительно портвейн. Сомов же налегал на коньяк.

Через час Фрол Лаврович уже решил проводить меня до Сретенска, и он так и поступил бы. Но его намерению помешала Матильда Карповна, вдруг подъехавшая к пристани на пролётке. Своей могучей рукой она вытащила своего благоверного за шиворот из-за стола и потащила к коляске. Я сопровождал чету Сомовых, держа в руках картуз Фрола Лавровича, забытый им в буфете.

Усадив размягшего Сомова в бричку, запыхавшаяся Матильда Карповна обратилась ко мне:

– Митенька, когда будете покупать корсет, попросите шнурков про запас. И ещё, поищите последнюю новинку парижской моды – чулки с поясом. Берите большого размера и тоже несколько пар про запас.

– Вот, возьмите, – Матильда Карповна достала из-за своего необъятного лифа кошелёк и отсчитала мне сто рублей кредитными билетами достоинством 5, 3 и 1 рубль.

Через пять минут я стоял на верхней палубе, наблюдая, как заканчивается посадка, матросы убирают трап и отдают швартовы. Потом, по команде капитана, машина увеличила обороты, и пароход отчалил от дебаркадера. Белая свежеекрашенная «Матильда», взбивая колесом за кормой пену, пошла вверх по течению со скоростью 8 вёрст в час.

К берегам Невы

Через пять дней мы причалили к пристани Сретенска.

Здесь заканчивается сухопутная дорога из России, и переселенцы и всякого рода охотники за удачей садятся на пароходы, плывущие вниз по Шилке и Амуру. Проевшись до нуля в пути и в ожидании навигации, пришлый люд легко идёт на преступления – кражи, грабежи и разбой здесь обычное повседневное явление.

Ещё на пароходе я нашёл себе двух попутчиков до Иркутска. На бирже извозчиков мы вкладчину наняли карету и, Богу помолясь, поехали. Наш кучер был из Иркутска, и пара его лошадок, чуя приближение к дому, бежала резво. Через 12 дней, с короткими ночёвками в придорожных сёлах, мы были на месте.

Распрощавшись со спутниками, я вручил своё брненное тело станционным смотрителям и кучерам.

Когда проехали Ачинск, на задок кареты сели два вооружённых казака.

– Чем вызвана такая необходимость? – спросил я у станционного смотрителя.

– Разбойнички в лесу опять пошаливают, – отвечал тот. – Вчера обоз с китайскими товарами из Кяхты ограбили. Возчики, было, сопротивление оказали, так лихие люди одному из них кистенём голову проломили.

Всё обошлось благополучно, но этот прогон оставил самые яркие впечатления от всей поездки – за каждым деревом мерещилось по разбойнику.

Государственная дорога должна быть не уже трёх сажен, утрамбована и присыпана песком, гравием или камнем, с водоотводными канавами и крепкими мостами, с верстовыми столбами и указателями, с колодцами через определённые расстояния.

Но, в полном соответствии с поговоркой «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги», на самом деле всё было не так. На большем протяжении тракт представлял собой подновлённые скотопрогонные и торговые пути, оставшиеся со времен монгольского нашествия.

Изредка встречались крестьяне, несущие государственную повинность по ремонту и содержанию дороги, они работали без усердия, как и подобает подневольным людям.

На довольно протяжённых участках тракт оказывался столь разбитым, что возницы объезжали эти непроходимости стороной, и в итоге дорога разделялась надвое и натрое. При дожде лошади шли по пузо в воде, а пролетки и кареты впору было заменить лодками и баркасами.

В экипаже меня так утрясло, что я потерял чувство времени и пространства.

Примелькались придорожные сёла, избы которых вытянуты по обе стороны вдоль тракта на две-три версты. Однообразными были серые колонны арестантов и каторжан, под кандалярный звон конвоируемых между пересыльными тюремными замками и на сибирские рудники и горные заводы. Почтовые станции, постоялые дворы – всё повсюду было настолько похожим, что порой я ловил себя на мысли: «Уж в ту ли сторону я еду?»

Это надо быть Карамзиным, чтобы проехать по тракту, и потом красноречиво описать своё путешествие. Но я, к сожалению, не он.

Подорожная – кланяюсь в ноги благодетелю – давала мне право первоочередной смены лошадей, перед теми, кто ехал не по казённой, а по своей надобности.

Может быть, напрасно я не пошёл по чиновничьей стезе?

Подлетаешь на взмыленных лошадях к почтовой станции и показываешь подбежавшему смотрителю подорожную, где написано, что податель сего следует по высочайшему повелению.

«Выпрягай! Лошадей срочно! Запрягай!» – командует тот. И со страхом и почтением тарашит глаза уже тебе вдогонку.

А ты едешь, скажем, в Нижний на ярмарку, чтобы покуролесить там инкогнито.

В ходе моего дальнейшего продвижения на запад столь же однообразно хлопали по воде лопатки паровых колёс и стучали на стыках рельсов колёса железнодорожных вагонов.

Речной и железнодорожный транспорт, в отличие от конного, имели одну приятную особенность – в каюте и в купе не трясёт. Это время в пути я отдал изучению пособия господина М. Иванова «О стенографии, или искусстве скорописи», которое купил в книжной лавке в Иркутске. Полезнейшая, доложу вам, наука! Скорость записи слов увеличивается в два-три раза, что весьма полезно репортёру. А поскольку времени у меня было предостаточно, к концу дороги я более-менее сносно освоил начатки стенографии.

На 73-й день пути я благополучно прибыл в Санкт-Петербург.

Сойдя с поезда на Николаевском вокзале, я сразу попал в руки петербургского лихача.

– Куда, господин хороший, поедем?

– В какой-нибудь доходный дом.

Видимо, желая показать памятные и исторические места Петербурга, извозчик повёз меня длинным маршрутом на Васильевский остров. На углу 7-й линии и Малого проспекта серой глыбой возвышался пятиэтажный дом, с парадным входом без крыльца и балюстрады. Это был доходный дом купца Тараканова.

В барских квартирах бельэтажа, занимавших по 8—12 комнат, жили бывшие помещики и отставные государственные служащие высокого ранга. На третьем и четвёртом этажах были квартиры в 4—6 комнат для средних классов. И на последнем, пятом этаже находились двух-трёх-комнатные квартиры для студентов и мелких чиновников, ремесленников и незамужних девиц – туда мы с домоправителем и поднялись для осмотра комнаты, в которой мне предстояло жить ближайший месяц.

Комната оказалась узким и тесным пеналом, с окном на двор и спартанской меблировкой: платяной шкаф, стол, стул, кровать.

– Водопровод и ватерклазет общего пользования, – говорил приказчик домовладельца. – Завтракать, обедать и ужинать будете на первом этаже в кухмистерской, а за отдельную плату мальчик принесёт заказанную еду к вам в комнату в судках. Парафиновые свечи по 5 копеек за штуку также за ваш счёт. Месячная плата за комнату – 25 рублей, за стол, чай, сахар и хлеб – ещё 25 рублей. Согласны?

Потом мы пошли в кабинет домоправителя на первом этаже.

– Будьте любезны, дайте ваш паспорт для прописки, – попросил приказчик.

Он взял мой паспорт, нацепил на нос очки, достал из сейфа домовую книгу и стал записывать, бормоча:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.